

И Шэн на мгновение опешил, затем убрал руку:

— Хэцю? Что случилось?

Шэнь Хэцю стиснул зубы, украдкой ущипнув свою руку, изо всех сил стараясь сдержать свою чрезмерную реакцию. Он не хотел, чтобы И Шэн заметил что-то неладное:

— Мне... мне нехорошо... Прости...

И Шэн заметил, что с Шэнь Хэцю что-то не так, на душе у него похолодело, но на лице он сохранил успокаивающее выражение:

— Ничего страшного.

Ассистент Чэн быстро подогнал машину. Шэнь Хэцю чувствовал, что у него подкашиваются ноги и слабеют руки, если он простоит ещё, то может упасть. Когда дверь открылась, он первым делом сел в салон.

Линь Чэнцзюнь и И Шэн остались снаружи.

— Что случилось? Почему выглядит так, будто ему нехорошо? — Линь Чэнцзюнь понизил голос, стараясь, чтобы другие не услышали.

Выражение лица И Шэна стало мрачным. Он только что видел, как Шэнь Хэцю украдкой щипал себя.

— Может, в больницу? — спросил Линь Чэнцзюнь.

И Шэн взглянул на Шэнь Хэцю, который сидел в машине. Шофёр разговаривал с ним, но Шэнь Хэцю съёжился в углу, держась далеко от водителя, опустив голову и не произнося ни слова.

Присмотревшись, можно было заметить, что его рука лежала на внутренней стороне запястья, и он мёртвой хваткой впивался ногтями в кожу.

Казалось, Шэнь Хэцю всегда очень боялся разговоров с другими людьми и физического контакта, особенно с незнакомцами.

Но раньше И Шэн не замечал, что Шэнь Хэцю может бояться и нервничать до такой степени, что начинает щипать себя.

— И Шэн? — Линь Чэнцзюнь ткнул И Шэна локтем, беспокоясь. — Так всё-таки в больницу едем или нет?

И Шэн вспомнил тот раз, когда Шэнь Хэцю ударился поясницей. Тот предпочёл терпеть боль, но не поехал в больницу. Наверное, он очень не любит больницы.

Он покачал головой:

— Пока не нужно.

— Садимся в машину, — сказал И Шэн.

В салоне было немного теплее, и Шэнь Хэцю немного пришёл в себя.

Он приоткрыл рот, желая что-то сказать, но сначала на него набросили пиджак.

И Шэн снял с себя пиджак от костюма и накинул его на Шэнь Хэцю:

— Отопление только включили, сегодня довольно прохладно, не простудись.

Шэнь Хэцю легонько ухватился за край пиджака. Его всего продуло ветром, и он был ледяным. На пиджаке И Шэна ещё оставалось тепло его тела, и в нём было уютно, словно тебя обнимают.

Шэнь Хэцю повернулся к И Шэну. Выражение лица И Шэна было не очень приятным, свет уличных фонарей подчёркивал его мрачные брови и глаза, придавая им чрезмерную резкость и тяжёлую суровость. Заметив, что Шэнь Хэцю смотрит на него, он смягчил выражение лица:

— Что такое?

Шэнь Хэцю закусил губу и тихо сказал:

— Ты разозлился?..

Он не хотел злить И Шэна.

И Шэн, глядя на беспокойные глаза Шэнь Хэцю, вздохнул:

— Нет, я не злюсь.

На самом деле он очень хотел прямо спросить Шэнь Хэцю, что же именно произошло, но Шэнь Хэцю такой робкий, если прижать его к стенке, он, возможно, снова заплачет. И Шэн не хотел никого доводить до слёз.

Линь Чэнцзюнь тоже не удержался и вставил слово:

— Ты правда в порядке? Мне кажется, тебе явно нехорошо.

Говоря это, он неосознанно слегка наклонился к собеседнику.

Шэнь Хэцю почти рефлекторно отпрянул в другую сторону, не позволив Линь Чэнцзюню приблизиться к нему, и только потом покачал головой:

— ... Всё нормально.

И Шэн заметил эту мелкую реакцию Шэнь Хэцю и нахмурился.

Остаток пути прошёл в молчании. Ассистент Чэн на большой скорости довёз их до виллы семьи И.

— Всё ещё плохо? — спросил И Шэн у Шэнь Хэцю.

Убедившись, что Шэнь Хэцю действительно не хочет и не нуждается в поездке в больницу, он лишь проводил его в дом.

— Сегодня вечером не нужно читать мне вслух. Если тебе нездоровится, хорошенько выспись.

И Шэн сделал паузу, затем добавил:

— Если будет совсем плохо, позови меня.

Шэнь Хэцю послушно кивнул и покорно отправился в спальню умываться и отдыхать.

И Шэн проводил взглядом Шэнь Хэцю, вошедшего в комнату, и мягкое выражение на его лице мгновенно исчезло.

С мрачным лицом он прошёл в кабинет, чтобы позвонить.

— Алло? Какими судьбами господин наследник почтил меня звонком? Разве не клялся, что больше никогда не придёшь ко мне лечиться?

Трубку подняли, и из динамика мобильного телефона раздался легкомысленный голос.

— Хочу кое о чём спросить, — сказал И Шэн.

Он потрогал карманы, желая достать сигареты из внутреннего кармана пиджака, и только тогда вспомнил, что отдал пиджак Шэнь Хэцю.

Он подошёл к тумбочке, открыл ящик и распечатал новую пачку.

И Шэн достал сигарету и закурил:

— Вы, психиатры, как определяете болезни пациентов?

Цзян Чжэнбо недоуменно переспросил:

— Общаясь с пациентами, конечно. И наблюдая за мелкими движениями и выражением лица, и тому подобное.

— Что, хочешь сменить профессию?

— Нет, — сказал И Шэн, затягиваясь. — Я хочу спросить: если человек выглядит довольно робким, избегает и боится прикосновений других людей... Это проблема?

Цзян Чжэнбо ответил:

— С такими скудными данными даже чудо-доктор не сможет поставить диагноз.

Он подумал несколько секунд и спросил:

— Говоришь, он боится прикосновений? До какой степени?

— Пока не совсем ясно, — И Шэн помедлил, нахмурившись. — Видел, как он... разговаривая с другими, щипал себя.

— Со знакомыми? Или с незнакомцами?

И Шэн ответил:

— С теми, кого можно считать знакомыми.

Цзян Чжэнбо, основываясь на имеющейся информации, выдвинул предположение:

— Если такое поведение регулярное, возможно, это нарушение сенсорной обработки,

связанное с прикосновениями. Но также может быть просто одним из сопутствующих симптомов другого расстройства, и не самым серьёзным.

— Однако, если это происходит лишь изредка, не стоит так волноваться. Возможно, этот человек просто очень робкий или у него другие эмоциональные причины.

Цзян Чжэнбо с интересом спросил:

— О ком это ты спрашиваешь? Господин наследник научился проявлять заботу?

И Шэн отрезал:

— Не твоё дело.

Цзян Чжэнбо цыкнул:

— Если ты действительно беспокоишься, просто понаблюдай за его поведением в обычное время. Если действительно покажется, что что-то не так, тогда обращай ко мне. Но я сейчас за границей, на научной конференции, если хочешь меня найти, придётся ждать как минимум месяц.

— Ладно, — согласился И Шэн.

— И ты хоть немного позаботься о себе. Характер у тебя взрывной, в последнее время, наверное, опять мало спал. Если продолжишь в том же духе, даже железный человек не выдержит...

Трубку решительно положили.

И Шэн потер переносицу, снова достал из пачки сигарету и зажал её между пальцев. Он какое-то время смотрел на неё, не зажигая, затем убрал обратно.

Раздражение, вызванное бессонницей, накатило с удвоенной силой, заставляя его чувствовать себя взвинченным и расстроенным.

Он знал, насколько мучительна соматизация психологических проблем, и поэтому ещё больше не хотел, чтобы с Шэнь Хэцю было то же самое.

Но, возможно, его маленький соловей просто слишком пуглив?

Глубокой ночью Шэнь Хэцю проснулся от кошмара.

Свет в комнате не горел. Он лежал на кровати, дожидаясь, пока пройдёт дрожь страха и удушающая боль, затем, тяжело дыша, сел.

Желудок снова начал жечь огнём, жжение поднялось до самого горла.

Шэнь Хэцю отбросил одеяло, которым укрывался, и наклонился, чтобы включить свет.

Он ошибся в оценке своего состояния: рука потянулась, но не дотянулась, и он потерял равновесие, свалившись с кровати. Половина тела сильно ударилась о пол.

В комнате не было ковра, пол был холодным и жёстким, от боли он онемел, почти потеряв чувствительность.

Шэнь Хэцю лежал на холодном полу, не двигаясь.

Он знал, что плохо спал, потому что перед сном не принял лекарство.

Он боялся, что Шэнь Хань расскажет отцу Шэнь, что он принимает таблетки, боялся, что его заставят вернуться в ту тюрьму, что зовётся семьёй Шэнь.

И боялся... что его болезнь откроется перед господином И.

Шэнь Хэцю вцепился в ножку кровати. Холодный пот пропитал его пижаму. Он поднялся с пола, съёжившись у изголовья кровати, руки и ноги были ледяными.

Прикроватная вешалка, которую он задел, упала, и висевший на ней пиджак свалился на пол.

Шэнь Хэцю протянул руку, с трудом подцепил пиджак кончиками пальцев и прижал к груди.

На пиджаке уже не осталось прежнего тепла, но Шэнь Хэцю всё равно крепко обнимал его.

В комнате было слишком темно и тихо. Тишина давила на него, тишина, из которой в голову вырывались всевозможные беспорядочные эмоции.

Как тогда, когда его заперли на чердаке, Шэнь Хэцю дрожащим голосом, очень-очень тихо, начал петь себе сам.

Так будет не так тихо. Так будет не так страшно.

Внезапно перед глазами стало светло. Шэнь Хэцю смутно ощутил свет и медленно поднял лицо.

Уже рассвело?

И Шэн включил свет в спальне и вошёл с порога.

Тёплый свет основной лампы спальни озарил его, и Шэнь Хэцю почти подумал, что он вышел из самого света.

— Говорил же, если плохо, нужно звать меня. Почему ты всегда любишь прятаться и плакать в одиночестве?

— Обнимать мою одежду не так полезно, как обнимать меня.

И Шэн присел на корточки перед Шэнь Хэцю и заговорил мягким голосом.

<http://bllate.org/book/15590/1388477>